

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки: на годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 м. 1 р. 75 к., на 2 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 65 к.

Съ доставкой и пересылкою: на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 3 р., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Отдѣльные №№ въ конторѣ редакціи и въ лавкахъ продажи по 5 к.

За перемѣну адреса иногородн. подписч. уплачив. 30 к., а городскіе, переходя въ иногор.,—50 к.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная плата за границу: вѣд. 0 и 2 противъ бездоставочныхъ цѣнъ. Подписка и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Кремляцк., № 36), отъ 10 ч. утра до 8 ч. веч., въ праздники отъ 12 до 3 ч. дня.

КРЕМЛЯЦКІЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

УСЛОВІЯ ПЕЧАТАНІЯ ОБЪЯВЛЕНІЙ

За одну строку въ столбцѣ или съ мѣсто въ реди текста за первый разъ 40 к., за каждый слѣдующій разъ по 20 к.; позани текста—за первый разъ 30 к., за слѣд. разъ по 10 к. При абонитментѣ объявленія дѣлается соотвѣствующая скидка. Лица, ищущіе труда, пользуются скидкой въ развѣ 50%.

Рукописи должны быть за полной подписью и адресомъ автора и подлинать, въ случаѣ надобности, измѣненія и сокращенія. Желающіе получить обратно напечатаннаго рукописи должны приложить проги на пересылку. Мелкіе сдѣлать не могутъ. Пренія не возвращаются.

Сдѣлать объявленій открытъ ежедневно отъ 10 ч. дня.

Редакция и гл. контора нумѣд.: Крем. 36. Тел. № 593

Памяти А. П. Чехова.

Умеръ Чеховъ! Сразу почувствовалась огромная пустота, которую нечѣмъ заполнить... Не хочешь вѣрить коротенькой телеграммѣ, извѣщающей о его смерти, а приходится вѣрить. Трудно, нельзя себѣ представить, какъ будетъ безъ него. Ощущеніе похоже на то, какъ было при извѣстіи о смерти Л. Н. Толстого, когда онъ былъ въ Крыму, слухъ, которому всѣ повѣрили. Именно пустота, пустота...

Вся Россія такъ привыкла къ его тихому, задумчивому голосу, такъ сроднилась съ нимъ, такъ часто сливалась съ его героями, съ нимъ самимъ, съ его душой. Напрасно думаютъ, что произведенія Чехова окружали ореолами слабость и безволіе. Нѣтъ, глубоко понимая ихъ, слабыхъ людей, онъ, какъ врачъ, склонялся надъ постелью больного и вѣялъ надъ нимъ свѣтлыми крыльями своей поэзіи.

Зная до мельчайшихъ изгибовъ душу современнаго человѣка, близкій его болямъ и страданіямъ, онъ глядѣлъ дальше интересовъ этой минуты и никогда не давалъ рецептовъ, годныхъ, какъ временное лекарство, онъ звалъ къ любви въ самомъ широкомъ и свѣтломъ значеніи этого слова и всѣ послѣднія про-

изведенія его проникнуты этимъ духомъ чистаго и свѣтлаго идеализма.

Онъ глядѣлъ впередъ и вдаль, далеко вдаль, и оттого его произведенія будутъ жить долго — долго. Во временной, изученной имъ до тонкости рамкѣ онъ видѣлъ вѣчныя стремленія и тоску духа, и въ этихъ современныхъ, своеобразныхъ рамкахъ картины его, широкія и обобщающія, вѣчны.

Чеховъ подошелъ вплотную къ основному трагизму жизни, подошелъ съ великой любовью, съ великой душой, и эта близость, это столкновение родили тѣ захватывающіе душу звуки, которые разлиты и звучатъ въ каждомъ изъ послѣднихъ произведеній Чехова.

И вотъ, въ своей личной жизни Чеховъ подошелъ къ трагическому концу человѣка...

Чехова не стало. Не стало великаго писателя и безконечно вдумчиваго и любящаго людей человѣка.

Всѣ привыкли къ его милому, задумчивому, повитому грустью лицу, такъ хорошо отражавшему его непрестанныя думы, и это впечатлѣніе еще усиливалось, становилось ярче и опредѣленнѣе при личномъ знакомствѣ съ нимъ. И теперь, уже успокоившееся навсегда, встанетъ передъ нами это безконечно задумчивое и такое по истинѣ интеллигентное лицо, оживаетъ тихій голосъ, видится вся поникшая фигура въ мягкихъ тонахъ потухающаго зимняго дня...

Это было почти пять лѣтъ тому назадъ, въ Ялтѣ, въ его бѣлой, высоко поднимавшейся дачѣ. Я былъ по дѣлу, но А. П. пригласилъ побывать еще. Онъ радъ былъ человѣку изъ такой далекой и такъ особенно близко любимой имъ Москвы. И онъ сталъ говорить о томъ, какъ хорошо теперь въ этотъ зимній вечеръ въ Москвѣ.

— На улицахъ оживленно, весело, свѣтло... Ходятъ люди... Морозъ...

А здѣсь, въ Ялтѣ, не смотря на январь, было тепло, всѣ ходили по лѣтнему и еще цвѣли какіе то розовые цвѣты съ плотными, блестящими листьями.. Но отъ природы тянуло туда, къ жизни... А поѣхать было нельзя, — болѣзнь приковывала къ мѣсту.

Потомъ А. П. заговорилъ о другомъ, и это впечатлѣніе отъ его голоса и манеры говорить и отъ того, что онъ рассказывалъ, и отъ всей обстановки комнаты, въ которой мы сидѣли, и его фигуры, такой давно-давно знакомой и близкой, все сливалось въ одно цѣлое съ его литературными произведеніями и производило такое странное, незабываемое очарованіе.

Огня не подавали, и остались только смутныя контуры предметовъ и такъ не хотѣлось уходить, такъ хотѣлось надышаться еще чѣмъ то неуловимымъ, тѣмъ особеннымъ существомъ человѣка, которое такъ чувствуется въ произведеніяхъ каждаго искренняго писателя. Но надо было идти, и въ ночныхъ сумеркахъ мы вмѣстѣ съ моей спутницей вышли изъ бѣлой высокой дачи, и уже не думалось ни о Ялтѣ, въ которую мы попали въ первый разъ и на самое короткое время, ни объ этой странной, теплой зимѣ среди глухо набѣгающаго въ сумеркахъ моря и теряющихся въ небѣ синевѣ горь... Чеховъ заслонилъ собою все. Второй и послѣдній разъ я видѣлъ А. П. въ Москвѣ, на выставкѣ картинъ. Уже въ Москвѣ, о которой онъ такъ мечталъ... Здоровье его было нѣсколько лучше и ему оказалось возможнымъ пріѣхать сюда.

Онъ отошелъ, не сказавъ ни слова отъ прекрасно выписаннаго портрета и долго стоялъ передъ одной маленькой картиной.

— Вотъ, — сказалъ онъ задумчиво — хорошая картина...

Я не помню теперь, чья эта картина, но помню рабочаго съ ребенкомъ. За городомъ, вечерѣтъ, и онъ, рабочій, несетъ ребенка и ласково, любовно смотритъ на него. И больше ничего. И еще — вечеръ, тихій, надвигающійся...

Тоже во временныхъ, текущихъ рамкахъ, вѣчная жизнь души, съ ея внутренней, яркой жизнью.

И опять Чеховъ былъ самимъ собой, опять нельзя было отдѣлить его самого отъ глубокой и задумчивой грусти, отъ всей свѣтлой, великой его поэзіи, которая живетъ въ его произведеніяхъ и звучитъ въ словахъ его героевъ.

Читатель не посѣтуетъ за бѣглое воспоминаніе этихъ двухъ встрѣчъ съ великимъ покойнымъ писателемъ. Такъ захотѣлось живѣе воскресить образъ любимаго писателя... Вѣдь его уже нѣтъ, нѣтъ!

Вѣдь Чеховъ умеръ!..

Иванъ Новиковъ.

